

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философская мысль:
рецепция и интерпретация**Акт воли как предельное основание
классической рациональности***Б.И. Липский**Институт философии Санкт-Петербургского Государственного университета, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматривается идеал классической рациональности и формулируются три его фундаментальных основоположения: 1) все, происходящее в мире осуществляется в соответствии с жесткими закономерностями строго и точно описываемыми языком математики; 2) эти закономерности носят универсальный характер, поскольку действуют одинаковым образом во всех, без исключения областях Вселенной; 3) универсальность этих закономерностей имеет не только пространственный, но и временной характер, поскольку они всегда действовали, действуют и будут действовать одинаково. Первое из этих положений вводится Р. Декартом, который в своих «Рассуждениях о методе» утверждает, что «все воспринимаемое нами весьма ясно и вполне отчетливо – истинно». Второе положение вводит И. Ньютон, утверждая, что законы механического взаимодействия проявляются совершенно одинаково во всей Вселенной. Третье из основоположений вводится Ч. Лайелем, утверждавшим неизменность и вечность закономерностей «естественной истории». Таким образом, идеал научной рациональности, опирается на ряд интенциональных утверждений, выражающих твердую веру в определенную систему мироустройства. И хотя сами основоположники традиции осознавали предположительный характер своих утверждений, их последователи забывают об априорном характере этих основоположений, принимая парадигмальные установки за «саму действительность». Действительная история скорее выступает как периодическое переосмысливание

тех субъективных условностей, верований и конвенций, которые человек той или иной эпохи применяет и утверждает для объяснения самому себе и оправдания перед другими людьми замыслов и мотиваций своих решений и действий.

Ключевые слова: волевое решение, Вселенная, закономерность, мировой порядок, научная рациональность, объективность, природа, реальность, субъективность, Универсум.

Липский Борис Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского Государственного университета.

lipsky@list.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3621-3975>

Цитирование: Липский Б.И. (2019) Акт воли как предельное основание классической рациональности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 67–88.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

The Act of Volition as an Ultimate Principle of Classical Rationality

B.I. Lipsky

*Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

Original research paper

Abstract

The author, considering an ideal of classical rationality, reveals three its fundamental premises: 1) everything, occurring in the world, is carried out according to rigid laws strictly and precisely described by mathematical language; 2) these laws have universal character and operate in the same manner without an exception everywhere in the Universe; 3) an universality of these laws has not only spatial but also time character as these laws always operated, operate and will operate. The first of these premises was introduced by R. Descartes, which into the *Discourse On Method* asserts that “a thing is clearly and distinctly perceived that it is of itself true.” The second premise is rooted in I. Newton’s statement that the laws of mechanical interaction act absolutely in the same manner in all the parts of the Universe. The third premise is introduced by C. Lyell, arguing an invariance and eternity of laws of “natural history.”

Thus, the ideal of scientific rationality is based on a number of volitional statements that express strong belief in a certain model of the world order. Though founders of this scientific tradition realized the conditional character of these statements, their followers not always take into consideration their presumable nature and accept the paradigmatic statements as the “reality itself.”

Keywords: nature, volition, objectivity, reality, scientific law, scientific rationality, subjectivity, Universe, world order.

Boris Lipsky – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Ontology and Epistemology at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

lipsky@list.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3621-3975>

Citation: Lipsky B.I. (2019) The Act of Volition as an Ultimate Principle of Classical Rationality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 67–88.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

1. Акт воли как утверждение идеалов новоевропейской рациональности

Идеал классической рациональности опирается на три фундаментальных основоположения:

– убежденность в том, что все происходящее в мире осуществляется в соответствии со строгими закономерностями, точно однозначно описываемыми языком математики;

– твердая уверенность в том, что закономерности эти носят универсальный характер, поскольку действуют во всех без исключения областях Вселенной;

– признание не только пространственного, но и временного характера этих закономерностей, поскольку предполагается, что они действуют всегда одинаковым образом.

При этом классическая наука считает, что перечисленные основоположения относятся не только к нашим познавательным установкам, но и к самой по себе действительности, которая понимается как «объективная реальность», существующая совершенно независимо от субъективных установок познающего мир человека. Однако попробуем последить историю формирования этих установок.

В изданных в 1637 г. «Рассуждениях о методе» Декарт пишет: «Я решил (курсив мой. – Б. Л.), что могу принять за общее правило, что всё, воспринимаемое нами весьма ясно и вполне отчетливо – истинно» [Декарт 1950, 283]. Это означает, что одно из самых

фундаментальных основоположений классической рациональности опирается на субъективное решение вполне конкретного человека – Рене Декарта. В «Метафизических размышлениях» (1641), поясняя вводимое им определение истины, он утверждает: «Все вещи, познаваемые нами ясно и отчетливо (*distinctement*), и на самом деле таковы, как мы их познаем» [Декарт 1950, 331]. Под ясностью и отчетливостью знания Декарт предлагает понимать его математическую обоснованность: «...они (вещи, воспринимаемые ясно и отчетливо. – *Б. Л.*) могут существовать, поскольку их рассматривать как объекты математических доказательств (курсив мой. – *Б. Л.*), ибо таким путем я понимаю их весьма ясно и отчетливо» [Декарт 1950, 389]. И, наконец, переходит к самому радикальному из своих утверждений: «Только в силу того, что я находил невозможным без противоречия понять какую-либо вещь, я заключал, что Бог не в состоянии ее произвести» [Декарт 1950, 389]. Так волевым решением Декарта математике приписывается статус не просто универсального языка описания действительности – она превращается в верховную инстанцию, предписывающую Богу, что Он может, и чего не может произвести.

В результате волевого решения Декарта Вселенная обретает черты тщательно выверенной математической конструкции, в которую даже ее Создатель уже не может внести никаких изменений, если они противоречат законам логики и математики. Так математизированное естествознание провозглашается верховным арбитром в вопросах бытия и небытия. Именно ему приписываются теперь полномочия, которыми до этого безраздельно владела церковь. В основание претензий науки на решение проблем, которые прежде составляли неотъемлемую прерогативу Бога, полагается твердая субъективная убежденность естествоиспытателей в том, что именно законы логики и математики, пронизывая всю Вселенную, объединяют ее в единую целостную систему.

Человек Средневековья – твердо уповал на то, что мировой порядок был единожды установлен и постоянно поддерживается благодаря неустанной заботе Творца. Мир Нового времени представляется лишенным постоянного заботливого внимания Создателя. В этом мире господствует безличный механический автоматизм, а все события осуществляются согласно наперед установленным жестким законам, изменить которые не может даже Тот, кто их однажды установил. Таким образом, можно констатировать, что «сама природа как каузальный порядок буквально создается в процессе становления науки» [Липский 2009, 80], возникновение которой обусловлено ради-

кальным изменением наиболее фундаментальных онтологических установок и представлений о господствующем в мире порядке.

Следующий шаг к тотальной рационализации бытия делает Исаак Ньютон, труды которого утверждают единство касающейся взаимодействия земных тел механики Галилея и описывающей перемещения астрономических объектов небесной механики Кеплера. Ньютон исходит из того, что движение земных тел и движение планет, которые, как полагали Галилей и Кеплер, подчиняются различным закономерностям и, следовательно, описываются разными математическими формулами, в действительности представляют лишь частные случаи проявления единого универсального закона всемирного тяготения. Благодаря введению Ньютоном этого абсолютно универсального закона именно *всемирного* тяготения, «на смену античной концепции Космоса как иерархически упорядоченной системы приходит фундаментальная для науки Нового Времени идея Универсума, порядок которого представляется абсолютно одинаковым для всех без исключения областей Вселенной» [Липский 2009, 80].

Выдвижение на место берущей начало еще в Античности концепции иерархически организованного Космоса новой идеи повсеместно одинакового Универсума радикально меняет наиболее фундаментальные представления о принципах организации мирового порядка. Вертикально ориентированный мир Античности и Средневековья с его кардинальной противопоставленностью горнего и дольного уступает место повсюду одинаковому, «плоскому» естественно-природному миропорядку, для которого наиболее значимой становится уже не пространственная, а временная противопоставленность старого и нового.

В этой вновь открывшейся перспективе формируются совершенно новые представления о факторах способствующих повышению или понижению ценности метафизических идей, теоретических конструкций и промышленных технологий. Если в античном и средневековом мирах ценность подобного рода культурных образований связывалась с верностью традиции и считалась тем более застуживающей уважения, чем дальше вглубь веков уходили корни этой традиции, то в эпоху Нового времени сама новизна вновь возникающего культурного феномена начинает рассматриваться как фактор, повышающий его ценностное значение.

Известно, что сам Ньютон был глубоко верующим человеком и разрабатывал систему «натуральной философии», стремясь подвести естественнонаучную базу под собственные религиозные воззрения, а свои «Замечания на книгу пророка Даниила и

Апокалипсис св. Иоанна» считал не менее значимой работой, чем «Математические начала...». Не случайно, характеризуя великого современника Дж. Локк отмечал: «Ньютон действительно замечательный ученый и не только благодаря своим поразительным достижениям в математике, но и в теологии и благодаря своим большим знаниям в священном писании, в чем мало кто может с ним сравняться» [Вавилов 1961, 181].

В «Общем поучении» – приложении к знаменитым «Математическим началам натуральной философии» (1687) – Ньютон замечает: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа. *Если* (курсив мой. – Б. Л.) и неподвижные звезды представляют центры подобных же систем, то все они, будучи построены по одинаковому намерению, подчинены и власти Единого... Сей управляет всем не как душа мира, а как властелин вселенной и по господству своему должен именоваться Господь Бог вседержитель (пантократор)... Он установил пространство и продолжительность... любая частица пространства существует всегда и любое неделимое мгновение длительности существует везде...» [Ньютон 2008, 659–661].

Таким образом, универсальное значение физических законов для всех без исключения пространственных областей Вселенной выводится из единства воли и власти «могущественного и премудрого существа», которое не черпается из эмпирического опыта, а в свою очередь утверждается «волей и властью» сэра Исаака Ньютона. И с этим утверждением как-то трудно согласовывается находящееся двумя страницами ниже знаменитое: «...гипотез же я не измышляю».

В «Основных началах геологии» (1830–1833) Чарльза Лайеля представлено третье из основоположений классической науки, утверждающее неизменность и вечность закономерностей «естественной истории». Кстати, сам Лайель не имел специальной геологической подготовки. Юрист по образованию, он занимался геологией как любитель. Это обстоятельство заставляет нас обратить внимание на то, что иногда наиболее фундаментальные основоположения даже таких, казалось бы, сугубо эмпирических наук как геология, устанавливаются не в результате индуктивного обобщения опытных данных, а формулируются как априорные принципы, не вытекающие из эмпирического опыта, а, наоборот, составляющие основу его организации.

Идея актуализма, полагаемая Лайелем в основу его геологической концепции, самим автором кратко выражена следующим образом:

«В течение веков, созерцаемых геологией, не было никакого перерыва в длительности одних и тех же постоянных законов изменения... и, согласно с такими же началами, следует ожидать повторения подобных изменений во времена грядущих» [Ляйель 1866, 69]. Это утверждение означает, что изменения, которые наблюдались геологами в течение максимум нескольких сотен лет, с незапамятных времен происходили и впредь будут происходить по тем же самым законам, действие которых обусловлено факторами, действовавшими в этот краткий (по сравнению с историей планеты) период.

Эмпирический опыт, которым располагала геология, распространялся, в лучшем случае, не далее, чем на несколько столетий, и, следовательно, утверждение Лайеля есть не что иное, как предположение о неизменности физических законов, действующих сегодня точно так же, как действовали они в незапамятные времена. При этом сам он прекрасно отдает себе отчет в его предположительном характере: «Ход природы, очевидно, остается без изменений, и мы подобным же образом можем *предполагать* (курсив мой. – Б. Л.), что общие условия земного шара, непосредственно перед тем периодом и после того периода, когда человеческий род начал свое существование были те же самые» [Ляйель 1866, 170–171].

По своему содержанию идея актуализма близка к декартовой мысли о постоянстве законов, установленных Богом при сотворении мира, хотя всякое упоминание о Нем уже исключается, а характеристики постоянства приписываются самой природе. Лайель утверждает, что все естественно-природные процессы на Земле протекают единообразно и действуют непрерывно, поэтому даже самые значительные изменения облика планеты могут происходить (и действительно происходят) в результате постепенного суммирования незначительных проявлений этих процессов в течение долгого (с точки зрения современников Лайеля, невообразимо долгого!) времени.

Признание принципа актуализма позволяет исследователю, зная, например, скорость осаждения взвеси, рассчитать время, необходимое для образования многометровых толщ пластов осадочных пород. В результате таких вычислений происходит расширение временных границ бытия мира с библейских 5–6 тысяч до миллионов и миллиардов лет. Геологи, – говорит Лайель, – «неправильно истолковывавшие признаки последовательности событий, считали столетиями там, где цифры означали тысячелетия и тысячелетиями там, где язык природы означал миллионы» [Ляйель 1866, 73].

Влияние идеи лайелевского актуализма испытали на себе не только ученые, но и самая широкая «образованная публика». По свидетельству современника, дорогие сочинения по геологии раскупались быстрее популярных романов Вальтера Скотта, а выступления известных геологов собирали аудитории количественно сопоставимые с посетителями современных рок-концертов. Так на серию бостонских лекций Лайеля в 1841 г. было куплено 4,5 тыс., а на ньюкастлские лекции проф. Седжвика более 3 тыс. билетов.

Историческое значение лайелевского актуализма вполне сопоставимо и с декартовой идеей о математическом характере естественно-природных закономерностей, и с ньютоновской концепцией Универсума. Сформулированная в геологии, эта идея быстро приобретает не просто общенаучный, но и мировоззренческий характер. Можно сказать, что эволюционные взгляды Лайеля определили развитие всего естествознания второй половины XIX века, и не только прочно утвердились в сфере геологии, но и вышли далеко за ее пределы. Кстати, Чарльз Дарвин, с именем которого прочно связывается эволюционизм в классической науке, начиная свою научную карьеру как геолог, вполне мог быть знаком с идеями лайелевского актуализма, влияние которого на его современников было поистине огромным.

Таким образом, обратившись к истории формирования фундаментальных основ новоевропейской науки, мы можем констатировать, что идеал научной рациональности, в конечном счете, опирается на ряд волевых решений, выражающих твердую веру их авторов во вполне определенную систему мироустройства. При этом сами основоположники традиции, совершая свой выбор в пользу именно этой системы, вполне осознавали его *предположительный* характер, в то время как их последователи, действующие в рамках уже ставшей привычной парадигмы, как это обычно и случается, забывали о ее априорном характере, принимая парадигмальные установки за «саму действительность».

Итак, новоевропейский идеал рациональности формируется и утверждается в ходе достаточно долгого, но, тем не менее, революционного процесса радикального пересмотра представлений о принципах организации господствующего в мире порядка [См.: Липский 2009, 80]. В этом отношении, можно констатировать, что формирование новоевропейского образа природы как целостной, внутренне связанной, безличной механической конструкции, насквозь пронизанной системой жестких и однозначных каузальных отношений, осуществляется в процессе становления классической науки. Само же ее

возникновение знаменует кардинальный пересмотр наиболее характерных для Античности и Средневековья онтологических постулатов, касающихся базовых представлений о формах и способах упорядоченности объектного мира. Причем, утверждение этих постулатов осуществляется отнюдь не на основании индуктивного обобщения вновь обнаруживаемых эмпирических фактов. Оно опирается на волевые акты вполне определенных личностей, выступающих в качестве общепризнанных творцов новоевропейской науки. Однако давайте посмотрим, не обнаруживаются ли подобного рода волевые решения внутри самой классической науки?

2. Волевые решения в развитии математического естествознания

В содержании классической науки, с самого момента ее возникновения можно выделить две расходящиеся линии, различие между которыми сохраняется и по сей день. Это, так называемые, «континентальная» и «островная» традиции. Первая представлена французской и германской, вторая – преимущественно британской школами. Среди основных расхождений между ними следует отметить различное понимание гносеологического значения причинно-следственных отношений.

Так, например, представляющий «континентальную» школу Лейбниц утверждает: «Всякое полное действие репрезентирует [свою] полную причину, поскольку из познания этого действия я всегда могу прийти к познанию его причины» [Лейбниц 1984, 109]. Представитель конкурирующей «островной» традиции Юм, напротив, выражает твердую убежденность в прямо противоположном: «...действие есть явление отличное от своей причины. В силу этого оно не может быть открыто в причине, и всякое измышление или априорное представление его неизбежно будет совершенно произвольным» [Юм 1966, 32].

Отметим, что и в этот раз оба положения не опираются на какой бы то ни было эмпирический опыт или логическое рассуждение, а выступают как интенциональные утверждения, выражающие прежде всего волю авторов. Но следствия из этих утверждений дают нам совершенно различные представления о природе тех умственных конструкций, которые рассматриваются наукой в качестве «теоретических образов мира». С точки зрения Лейбница, представляющего «континентальную» науку, исходящую из того, что причина «полностью репрезентирована» в следствии, всякое логическое рассуждение следует выстраивать с ориентацией на ту

же последовательность и непрерывность, которая, как он полагает, определяет внутреннюю связанность естественно-природных процессов. С точки же зрения представителя «островной» науки – Юма, утверждавшего идею независимости следствия от причины и предполагавшего возможность его «совершенно произвольного» характера, вполне допустимым является разрыв в последовательности текущих событий, что, в свою очередь, обуславливает возможность перерывов в теоретическом рассуждении и наличие «алогичных» переходов от одной теоретической системы к другой.

Рационалистически ориентированная «континентальная» наука, предпочитает полагаться на связанную внутренней логикой непрерывную цепь последовательных рассуждений, в то время как для ориентированной на эмпирический опыт «островной» науки такая жесткая связанность последовательных наблюдений достигается с гораздо большим трудом, а то и вообще оказывается невозможной.

Полемика между «континенталами» и «островитянами» обнаруживает непреодолимое различие между двумя мирами: логически мыслимый мир оказывается отличным от эмпирически наблюдаемого. Обнаружение такого несовпадения порождает глубокую теоретическую проблему: который из двух упомянутых миров является действительным, подлинным предметом нашего познания? Причем, различие это имеет не только гносеологический, но и более глубокий – онтологический – характер. Так, например, при использовании астрономами XVIII века нового средства наблюдения – телескопа – выявляется несовпадение математически вычисленных (строго эллиптических) и реально наблюдаемых (отклоняющихся от математического эллипса) орбит планет.

Выявление этого факта стимулирует начало острой полемики между «рационалистами» и «эмпириками»: которую из этих несовпадающих орбит следует признать истинной? Является ли истинной та орбита, по которой планета *должна* двигаться, в соответствии с математически выраженными законами небесной механики или истинной является та орбита, которая *эмпирически прослеживается* при наблюдении с помощью телескопа? Этот вопрос невозможно однозначно разрешить ни чисто логическим, ни чисто эмпирическим путем. Его решение может быть получено только в результате акта субъективного волевого выбора. И классическая наука такой выбор делает. Ученый мир склоняются к предпочтению лейбницевской идеи

о том, что в основе мирового порядка лежат математические отношения, в соответствии с которыми и был осуществлен акт божественного творения, ибо, согласно широко известному выражению Лейбница: «Cum Deus calculat, fit mundus (как Бог расчислил, так мир и устроен)». Данное утверждение есть не что иное, как определенный онтологический постулат, который не обосновывается ни эмпирическим опытом, ни логическим рассуждением, а полагается в качестве фундаментальной основы классической науки волевым решением Лейбница. Соглашаясь с этим постулатом, европейские ученые безоговорочно признают, что все процессы, происходящие в природном мире, строго подчиняются единому универсальному «своду законов», сформулированных на языке математики и выражающих, непреложность причинно-следственных отношений.

Результатом этого признания становится формирование отношения к природе как к жесткой механической конструкции, функционирование которой осуществляется, в соответствии скорее с логико-математическими, чем историческими закономерностями, а проблемы исторического времени отходят на второй план, поскольку само время начинает рассматриваться как логически обратимое. Ведь если, согласно утверждению Лейбница, «полная причина» всякого явления представлена в нем как «полное следствие», это означает их эквивалентность. Но эквивалентность причины и следствия, в свою очередь, означает не что иное, как обратимость времени. «И если не в физическом, то в логическом отношении, такое обращение времени не только возможно, но и составляет прямую обязанность человека науки» [Липский 2008, 109].

Принятие лейбницевого онтологического постулата влечет за собой и определенные гносеологические следствия. Если мировой процесс представляет собой сплошную, нигде не разорванную цепь причинно-следственных связей, то и последовательность теоретических конструкций, описывающая этот процесс, также должна представлять собой сплошную, нигде не разорванную цепь логических переходов. В методологическом же отношении это означает, что логика построения научного знания, как и его методологические приемы, должны иметь константный характер, и если в их изменении с течением времени можно заметить какой-то прогресс, то он имеет преимущественно операциональное значение. Иными словами, разработка новых приборов и инструментов, уточнение языковых средств описания наблюдений, применение более совершенных методологий может обеспечивать прояснение,

уточнение и детализацию наших представлений о природе и ее законах, но не меняет радикально характера этого знания.

Новоевропейское естествознание рассматривает познаваемый объект как вечный и неизменный. Стремясь получить полное и завершенное знание об этом объекте, оно и своим собственным формулировкам желает придать столь же вечный и неизменный характер. Своей целью оно провозглашает выработку полной и завершенной кодификации некоего «свода законов», описывающего познаваемый мир *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). При этом самое себя классическая наука также стремится рассматривать в той же *вневременной перспективе*. Философский и методологический анализ процесса развития науки осуществляется вследствие этого не столько в историческом, сколько в логическом контексте, а в качестве предмета науковедческого исследования определяется не столько *реальная история* развития науки, сколько ее *рационально-логическая реконструкция*.

Представление о неизменности и вечности естественнонаучных законов распространяется при этом и на гуманитарные дисциплины. В качестве идеала научного знания выдвигается универсально взаимосвязанное множество теорий, а идеалом ученого становится отстраненный от живой жизни наблюдатель, беспристрастно фиксирующий наблюдаемые факты и сводящий их в общую картину мира в соответствии с раз и навсегда установленными методологическими принципами. Рост научного знания при подобном подходе понимается как чисто кумулятивный процесс, который осуществляется благодаря последовательному «выкладыванию» целостной картины мира, составляемой из отдельных фрагментарных кусочков (частных истин). Дополнение этого обобщенного образа мира осуществляется при столь же последовательном устранении из него всех ранее содержащихся в нем, но не получивших экспериментального подтверждения гипотез и предположений, которые расцениваются как предрассудки.

Согласно кумулятивной концепции развития науки, все предрассудки понимаются как моменты сугубо негативные, неспособные породить ничего, кроме лжи и заблуждения, зато каждая фрагментарная истина занимает свое место в общей картине раз и навсегда. Но для того, чтобы кумулятивная концепция могла быть признана в качестве истинной модели развития науки, следует принять целый ряд достаточно сильных допущений:

– во-первых, необходимо, чтобы познаваемые объекты оставались неизменными в течение очень долгого времени, а в идеале вообще никогда не изменялись;

– во-вторых, требуется, чтобы теоретические конструкции, создаваемые для описания этих объектов (результаты наблюдений, описания, логические рассуждения) имели столь же константный характер;

– и в-третьих, необходимо, чтобы результаты исследований складывались в единую, связанную и внутренне непротиворечивую теоретическую конструкцию.

В науке, строго соответствующей кумулятивному идеалу, все разногласия, возникающие в ходе исследований, должны были бы находить строгое и однозначное разрешение исключительно в рамках самой науки. Всякие обращения к каким бы то ни было вненаучным свидетельствам, основывающимся на обыденном опыте или культурных традициях, любая аргументация, так или иначе учитывающая различного рода субъективные моменты, не должна была бы приниматься в расчет. Наука представлялась изолированным от жизненной практики рафинированным «царством чистой мысли», а все возникающие в ней внутренние проблемы представлялись разрешаемыми исключительно средствами самой науки.

Вплоть до середины XX века этот лейбницевский идеал научной рациональности сохранял свое доминирующее значение среди философов и методологов науки. Так, например, еще в 1948 г. Бертран Рассел утверждал, что «в цепи событий на протяжении от чувствующего органа к мускулу все детерминруется законами физики макромира... поэтому... если бы вы обладали достаточными знаниями молекулярной структуры мозга человека и... были достаточно хорошим математиком, то вы могли бы предсказать, что, когда знаки, составляющие сообщение в телеграмме войдут в поле его зрения, они возбудят процесс, который закончится определенными движениями его рта, ...которые можно записать словами “Я разорен!”» [Рассел 1997, 54]. Понятно, что для какой бы то ни было субъективной воли здесь просто не остается места, правда только в том случае, если исключить из рассмотрения самого Рассела, обосновывающего данное утверждение собственным волевым решением.

За последние три столетия рационалистический идеал научного познания получил широчайшее распространение не только среди позитивистски ориентированных ученых-естествоиспытателей, но и прочно внедрился в массовое обыденное сознание. Согласно этому идеалу, предполагается, что поскольку ни познаваемый объект, ни методологические и логические приемы, обеспечивающие его познание, не претерпевают существенных изменений, прогрессирующее развитие научного знания постепенно приведет

человечество к достижению всеобъемлющей объективной истины, что собственно и является конечной целью науки.

Однако зададимся вопросом о том, что же питает нашу уверенность в том, что природа и в самом деле есть та «сама по себе существующая внешняя реальность», имманентные законы которой последовательно и неуклонно раскрывает наука? Не является ли тот образ природы, которую мы уверенно считаем существующей совершенно независимо от наших целей, намерений и предпочтений, сформированным при, может быть даже не всегда осознаваемом, участии волевых решений нашего собственного сознания?

3. Волевые компоненты в контексте современной науки

С середины XX века начинает формироваться новая, некумулятивная трактовка процесса развития и роста научного познания. Начало этой новой трактовки знаменует переход к четвертому периоду в развитии позитивистской философии науки – постпозитивизму.

Рубежом этого перехода можно считать публикацию книги Томаса Куна «Структура научных революций» (1962). Вразрез с общепозитивистской традицией, Кун переносит акцент с сугубо логического подхода к исследованию науки на исторический.

Безуспешность всех предпринимавшихся позитивистами попыток создания свободной от всякого ценностного компонента «гносеологии без познающего субъекта» (К. Поппер) склоняет его к радикальному пересмотру самой позитивистской программы философского анализа науки. Перенос акцент с построения логической реконструкции развития науки на прослеживание ее действительной истории, Кун обнаруживает, что история эта далеко не всегда соответствует классической кумулятивной модели. В действительной истории науки довольно часто возникали ситуации, когда теория, включенная в общую картину мира как ее вполне достоверный фрагмент, со временем оказывалась совершенным заблуждением, однако это вовсе не мешало ей обладать эвристическим потенциалом, достаточным для того, чтобы стать основой многих полезных изобретений, практическое использование которых не прекращается и после того, как несостоятельность инициировавшей их теории стала очевидной.

Если рассматривать развитие научного знания не с чисто логической точки зрения, а рассмотреть ее, как предлагает Кун, в исторической перспективе, обнаруживается, что в контексте научного знания прошлых эпох трудно однозначно определить,

что же в его содержании представляло «элементы истины», а что было ошибкой и заблуждением. Кун предлагает рассматривать массивы прошлого знания не как коллекции разрозненных идей, среди которых могут встречаться как истинные, так и ложные концепции, а как целостные комплексы взаимосогласованных теорий, в которых истинное и ложное образуют единую взаимосвязанную и относительно устойчивую систему, которую Кун называет парадигмой.

В качестве основной характеристики парадигмы рассматривается не ее истинность или ложность, а целостность и внутренняя согласованность, поэтому в ее состав «на равных» могут входить истинные положения, положения, истинностное значение которых в будущем может измениться, но также и откровенные предрассудки или окаменевшие остатки древних мифов. Поэтому последовательная смена парадигм вовсе не означает возрастание в их содержании числа истинных идей при соответствующем сокращении числа заблуждений таким образом, чтобы каждая новая парадигма была «более истинной», чем предыдущая. Смена парадигм означает радикальную смену перспективы, в которой мир предстает перед исследующим его сознанием.

Новизна каждой очередной парадигмы определяется наличием в ее составе таких элементов, которые не являются ни результатом включения в эмпирический опыт новых, ранее не наблюдавшихся явлений, ни логическими выводами из содержания прежнего парадигмального комплекса. Эти элементы вводятся волевым актом как утверждение новых онтологических постулатов и признание новых ценностных ориентиров. Это дает Куну основание рассматривать смену парадигм не как продолжение непрерывного эволюционного процесса, а как революционное преобразование самой архитектоники научного познания. Смена парадигмы представляет перерыв постепенности, который Кун определяет как научную революцию. Нормальная наука развивается по классической кумулятивной схеме. Она пользуется уже принятыми онтологическими постулатами и логико-методологическими стандартами. Вся обосновывающая часть оформляется и утверждается ранее в самый момент смены парадигмы, когда определяющим моментом является волевое решение, т.е. субъективный фактор. Она развивается по привычной кумулятивной схеме в границах господствующей парадигмы, а результаты ее исследований полностью предсказуемы. Главная задача нормальной науки – обнаружение новых фактов, сама возможность которых уже «предусмотрена» заранее утвержденными

парадигмальными установками. Научная революция, напротив, состоит в радикальном преобразовании привычных установок. Ее главная цель – не столько прояснение и детализация содержания предметной области, сколько определение и утверждение самих ее границ, благодаря чему открываются новые перспективы, ведущие к обнаружению совершенно новых фактов.

Рассматривая динамику роста научного знания не в логической, а в исторической перспективе, можно заметить, что ни одна принципиально новая парадигмальная система не появлялась в результате постепенного эволюционного развития предыдущей. Смена парадигм происходит не путем модификации прежней парадигмы и приспособления ее к новым условиям. Такая смена осуществляется путем радикального отрицания старой парадигмы и волевого утверждения новой, разработанной, если можно так выразиться, в «параллельном» по отношению к прежней парадигме мире.

Новая парадигма оказывается отделенной от старой ничем не заполненной пустотой, «логическим разрывом», который является необъяснимым в контексте кумулятивной концепции роста научного знания. В результате обнаружения такого разрыва сомнительными становятся самые фундаментальные основоположения новоевропейской науки: онтологический принцип континуальности причинно-следственных отношений и логически вытекающий из него гносеологический принцип континуальности системы рационального знания. Пересмотр традиционных установок переживается настолько остро, что саму концепцию строгой континуальности причинно-следственных отношений Гастон Башляр характеризует как невероятную, «чудовищную» идею: «Мы едва ли согласимся с чудовищным характером самой идеи универсального детерминизма» [Башляр 1989, 230]. И снова, как и в эпоху формирования идеалов классической рациональности, мы имеем дело с волевым переутверждением онтологических постулатов, что, в свою очередь, влечет за собой и изменение гносеологической перспективы.

В гносеологическом отношении главная функция парадигмы состоит в формулировке ряда априорных предположений, определяющих, что из попадающего в наше поле зрения является действительно связанным с решаемой нами практической задачей и, следовательно, выступает теоретически значимым для ее научного анализа. Ведь то, что не включено в содержание уже принятой парадигмы не попадает в сферу нашего внимания и для нас является практически несуществующим. Да и сама парадигма, поскольку ее

утверждение опирается на волевое решение, с точки зрения идеала классической рациональности, должна быть определена как чистый «предрассудок», который следует устранить из научного исследования тотчас же после обнаружения. Но дело в том, что «нормальная наука» просто не в состоянии зафиксировать собственные основания, поскольку они, как правило, рождаются за ее пределами и укоренены в более широком социокультурном контексте. Для «нормальной науки» они представляют граничные условия ее существования, и она «не замечает» этих границ, поскольку никогда не стремится выйти за их пределы.

В новых условиях выработанное классической наукой представление о природе как о последней данности, существующей совершенно самостоятельно и совершенно независимой от нашей познавательной деятельности, становится совершенно неприемлемым. Но одновременно требует пересмотра и образ самой классической науки как образ непрерывно прогрессирующего роста знания об одном и том же остающемся совершенно неизменным объекте или системе объектов.

Кумулятивная концепция развития науки опиралась на твердое убеждение в том, что факт есть «упрямая вещь», существующая совершенно независимо от средств наблюдения, языка описания или экспериментальных методик. Именно представление о независимости факта от средств и условий наблюдения рассматривалось в классической науке как достаточное основание для признания соответствия или несоответствия факту абсолютно объективным критерием для подтверждения или опровержения любой теории. Однако введение в контекст философии науки понятия научной революции существенно меняет представление о гносеологическом статусе факта. Дело в том, что революция в науке означает не просто переориентацию интереса исследователя на новые, ранее не входившие в сферу его внимания объекты, а радикальные изменения в самой концептуальной структуре нашего знания.

В результате таких изменений оформляется совершенно новая структура членения бытия и мы обнаруживаем себя, находясь в новом мире с другими объектами и другими фактами. При осознании того, что переход к новой парадигме необратимо переносит нас в новый мир, совершенно утопичным представляется лейбниевский идеал науки способной «как в зеркале» увидеть будущее в настоящем благодаря более глубокому проникновению «в составные части вещей... для того, чтобы учесть все обстоятельства и не оставлять ничего без внимания» [Лейбниц 1982, 273].

Структуризация бытия рассматривается теперь не как нечто изначально данное и ни в малейшей степени не зависящее от человеческой субъективности. Сами «составные части» рассматриваются теперь как, во-первых, определяемые строением языковых норм культурного сообщества, и, во-вторых, как некая, принятая научным сообществом базовая *конвенция* относительно некой совокупности онтологических постулатов и эпистемологических норм организации самого исследования. Поэтому выявляемые в ходе исследования факты уже не могут рассматриваться как окончательные и безапелляционные свидетельства в пользу истинности или ложности теоретических построений.

Благодаря отмеченным преобразованиям, к концу XX века статус науки как верховного арбитра в решении вопроса о бытии или небытии объекта подвергается пересмотру. Все в большей степени начинает осознаваться, что наука это не изолированная от мира деятельность рафинированных интеллектуалов. Она существует как одна из форм реальной жизненной практики и поэтому вовсе не свободна от включенных в нее субъективных моментов. Такие субъективные факторы, как опыт расы, культурные традиции, профессиональная этика и даже личные симпатии, являются неотъемлемыми элементами не только обыденного, но научно-теоретического мышления. Именно они выступают основанием формирования той системы ценностных ориентаций, в соответствии с которой строится та шкала предпочтений и пренебрежений, которыми руководствуются ученые в определении предметов исследования, в предпочтении используемых ими методологических приемов, а самое главное – в определении критериев значимости достигнутых результатов. В этом отношении ученых, работающих в рамках различных парадигм, можно уподобить членам различных этнокультурных или конфессиональных сообществ. Полное взаимопонимание между представителями таких сообществ может порой оказаться недостижимым именно потому, что, по существу, они принадлежат к мирам, различающимся по своей структурной организации.

Для теоретических систем, разрабатывавшихся в границах разных парадигм, невозможно найти или разработать такой «метaparadигмальный» методический прием, опираясь на который можно было бы однозначно решить, которая из конкурирующих парадигм является объективно истинной, а какая ложной. Ведь истинность теории устанавливается в границах принятой парадигмы, само же ее принятие опирается на субъективное волевое решение.

С точки зрения идеала классической рациональности, утверждение парадигмы есть иррациональный волевой акт, и не случайно сам Кун предлагал рассматривать акт выбора парадигмы по аналогии с религиозной реформацией. Волевое решение в пользу одной из конкурирующих парадигм обусловлено не внутринаучными факторами (такими как, например, согласованность с результатами наблюдений, внутренняя логическая связанность, простота и прозрачность концепции и др.). Основания для предпочтения определенной парадигмы принадлежат к более широкому социально-историческому контексту. К ним, прежде всего, следует отнести стремление к социальной консолидации, к достижению согласия по широкому комплексу наиболее актуальных жизненных проблем, лишь небольшая часть которых может быть отнесена к компетенции собственно науки.

Поскольку парадигмальные установки определяются волевым решением, их содержание не может рассматриваться как совокупность объективных характеристик самих по себе бытия и мышления. Но если они по самой своей природе имеют субъективное происхождение, их нормативная сила не выходит за границы определенной исторической эпохи и сохраняет свою значимость только для той социокультурной общности, в которой они были приняты.

Парадигма классической рациональности требует рассматривать исследуемое явление как следствие некоторой причины, которая имела место в прошлом, и одновременно видеть в нем причину другого (будущего) следствия. В результате цепь причинно-следственных отношений выстраивается как сплошная нигде не разорванная линия, протягивающаяся из бесконечно далекого прошлого в бесконечно далекое будущее.

В современной социокультурной парадигме проблема регресса в бесконечность снимается, поскольку в ней предполагается начальная точка – тот самый волевой акт свободного выбора и утверждения парадигмальной системы, очерчивающей границу исследуемой предметной области, утверждающей базовый перечень используемых в этом исследовании методологических приемов и задающей критерии оценки достигнутых результатов.

Заключение

Подводя краткий итог, следует отметить, что на формирование новоевропейского идеала научной рациональности огромное влияние оказали идеи Декарта, Ньютона и Лайбеля. Позже эти идеи, подкрепленные авторитетом Лейбница, способствовали

укреплению безраздельно господствовавшей вплоть до середины XX столетия веры во всемогущество математизированного разума классической науки. «Революция в физике», произошедшая в начале XX века, и последовавшие за ней фундаментальные преобразования в концептуальном строе научного знания породили сомнения в абсолютной непогрешимости такого математизированного интеллекта.

Те революционные изменения, которые происходят в науке в конце XX – начале XXI веков выражают нарастающее разочарование в тех чрезвычайно оптимистических ожиданиях, которые были порождением «радикального интеллектуализма» трех предшествующих столетий. Как констатирует современный исследователь Эдгар Морен: «К концу XX в. мы пришли к пониманию, что картина безупречно упорядоченной Вселенной должна быть заменена такой картиной, на которой Вселенная предстает игрой и ставкой в диалогической игре (в антагонистическом, состязательном и дополнительном отношении) между порядком, беспорядком и организацией» [Морен 2004, 20].

Изменения, происходившие в течение XX века как в самой науке, так и в отношении к ней со стороны общества, привели к пониманию того, что мир представляет собой гораздо более сложную систему, чем предполагали создатели классической науки. Образ мира, складывающийся к началу нового столетия, не может не включать в себя те самые «субъективные» аспекты, от которых с таким упорством стремились избавиться основоположники классической традиции.

И самое главное в этом новом образе мира – понимание того, что достижение полного и завершенного знания о мире есть проект совершенно утопический. Неполнота и незавершенность нашего знания о мире обусловлена не недостаточностью усилий или несовершенством используемых приборов и методологий. Она обусловлена, в том числе, и тем самым субъективным моментом, неустранимо присутствующим в содержании любого познавательного акта. Ведь любое исследование ориентировано на решение некоторой практической задачи. Само познание объекта есть не что иное, как определение его в качестве средства для достижения той или иной значимой для человека цели. Именно цель является основанием, на котором мы выбираем из бесконечного числа характеристик объекта те, которые определяем как значимые. А целеполагание есть, по преимуществу, субъективный, а не объективный акт.

В современных условиях представляется абсурдным былое стремление «классиков» к радикальному устранению из научного познания всех субъективных моментов. Напротив, попытки исследовать то «историческое бессознательное» (М. Фуко), которое выступало основой формирования различных форм субъективности от зарождения науки до настоящего времени, становятся особенно актуальными. Ведь реальный исторический процесс не сводится ни к чисто логическому разворачиванию Абсолютной идеи (Гегель), ни к строго последовательной смене общественно-экономических формаций (Маркс).

Действительная история скорее выступает как периодическое переосмысливание тех субъективных условностей, верований и конвенций, которые человек той или иной эпохи применяет и утверждает для объяснения самому себе и оправдания перед другими людьми замыслов и мотиваций своих решений и действий. А в этих вопросах стремление к взаимопониманию и взаимодействию играет гораздо большую роль, чем стремление к «ясности и отчетливости» собственного мышления.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Башляр 1989 – *Башляр Г.* Рациональный детерминизм и технический детерминизм // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1988–1989* / ред. И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1989. С. 230–236.

Вавилов С.И. 1961 – *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон: научная биография и статьи. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

Декарт 1950 – *Декарт Р.* Метафизические размышления // *Избранные произведения* / ред. В.В. Соколов. – М.: Госполитиздат, 1950. С. 319–408.

Декарт 1950 – *Декарт Р.* Рассуждение о методе // *Избранные произведения* / ред. В.В. Соколов. – М.: Госполитиздат, 1950. С. 257–318.

Лейбниц 1972 – *Лейбниц Г.* О предопределенности // *Сочинения: в 4 т.* / ред. В.В. Соколов. Т. 1. – М.: Мысль, 1982. С. 237–244.

Лейбниц 1984 – *Лейбниц Г.* Что такое идея? // *Сочинения в 4 т.* / ред. В.В. Соколов. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. С. 108–110.

Липский 2008 – *Липский Б.И.* Европейская философия XVII–XVIII вв. // *Философия* / под. ред. Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ, 2008. С. 97–166.

Липский 2009 – *Липский Б.И.* Каузальность и нормативность в научном познании // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (23).* С. 77–85.

Ляйэль 1866 – *Ляйэль Ч.* Основные начала геологии: в 2 т. Т. 2. – М.: Изд. А.И. Глазунова, 1866.

Морен 2004 – Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире / отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Наука, 2004. С. 7–26.

Ньютон 2008 – Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. с лат. А.И. Крылова, ред. Л.С. Полак. – М.: Изд. ЛКИ, 2008.

Рассел 1997 – Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. – Киев: Ника-центр, 1997.

Юм 1966 – Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. / под ред. И.С. Нарского. Т 2. – М.: Мысль, 1966. С 7–170.

REFERENCES

Bachelard G. (1951) *Déterminisme rationnel et déterminisme technique* (Russian translation in: *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook* (pp. 230–236). Moscow: Science, 1989).

Descartes R. (1637) *Discours de la methode* (Russian translation in: Descartes R. *Selected Works* (pp. 257–318). Moscow: Gospolitizdat, 1950).

Descartes R. (1670) *Meditationes de prima philosophia* (Russian translation in: Descartes R. *Selected Works* (pp. 319–408). Moscow: Gospolitizdat, 1950).

Hume D. (1748) *An Enquiry Concerning Human Understanding* (Russian translation in: Hume D. *Works in 2 Volumes* (vol. 2, pp. 7–170). Moscow: Mysl, 1966).

Leibniz G.W. (1840) Von dem Verhängnisse (Russian translation in: Leibniz G.W. *Works in 4 Volumes* (vol. 1, pp. 237–244). Moscow: Mysl, 1982).

Leibniz G.W. (1890) Quid sit idea (Russian translation in: Leibniz G.W. *Works in 4 Volumes* (vol. 3, pp. 108–110). Moscow: Mysl, 1984).

Lipsky B.I. (2008) European Philosophy of the 17th and 18th Centuries. In: Yaskevich Y.S. (Ed.) *Philosophy* (pp. 97–166). Minsk: RIVSH (in Russian).

Lipsky B.I. (2009) Causality and Normativeness in Scientific Knowledge. *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2009. No. 3 (23), pp. 77–85 (in Russian).

Lyell C. (1830–1833) *Principles of Geology* (Russian translation: Moscow: A.I. Glazunov Pub., 1866).

Morin E. (2004) Principles of Knowledge of the Difficult in Science of 21st Century. In: N.K. Udumyan (Ed.) *Challenge to Cognition. Strategies of Science Development in the Modern World* (pp. 7–26). Moscow: Nauka, 2004 (in Russian).

Newton I. (1687) *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* (Russian translation: Moscow: LKI Pub., 2008).

Russell B. (1923) *Human Knowledge: Its Scope and Limits* (Russian translation: Kiev: Nika-centre, 1997).

Vavilov S.I. (1961) *Isaac Newton: A Scientific Biography and Papers*. Moscow: Academy of Science of the USSR Pub. (in Russian).